

УДК: 930 (2)

DOI: 10.25629/НС.2024.03.03

МУЗЕЙ СТАРОЙ МОСКВЫ (1918–1926): РОЖДЕНИЕ ИДЕИ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ В ОТРАЖЕНИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Заседателева Н.Н.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Аннотация

Статья посвящена истории создания Музея старой Москвы. Анализ протоколов заседаний Комиссии по изучению старой Москвы позволяет понять, как формировался музей, начиная от возникновения идеи о его создании до реализации на практике. Главным источником для получения необходимой информации по данной теме являются архивные документы, сохранившиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Введение в научный оборот делопроизводственных материалов Комиссии и поиск методов повышения их информативной отдачи составляет новизну и актуальность данного исследования. В статье показано, с какими сложностями пришлось столкнуться членам Комиссии для реализации плана открытия музея, начиная от выбора помещения, заканчивая формированием коллекции и отбором экспонатов музея. Преодолев все сложности, инициаторы его создания добились того, что Музей старой Москвы стал больше, чем просто место хранения, изучения и выставки экспонатов. Музей старой Москвы стал местом, объединившим историков, краеведов – знатоков Москвы, ученых и просто любителей, превратившись в центр по изучению отечественных древностей, продолжив, тем самым, начинания Московского археологического общества по сохранению памятников культурного наследия нашей страны.

Ключевые слова

Музей старой Москвы, Комиссия по изучению старой Москвы, Прасковья Уварова, Петр Миллер, Аполлинарий Васнецов, Английский Клуб, история Москвы, источниковедение, Московское археологическое общество

Введение

Хорошо известно, что комиссия «Старая Москва» была «детищем» Императорского Московского археологического общества (далее – ИМАО), которое было создано по инициативе графа А.С. Уварова в 1864 г. и было одним из ведущих центров в деле изучения и сохранения отечественных памятников древности во второй половине XIX – начале XX в. После смерти А.С. Уварова в 1885 г. председателем ИМАО стала его супруга, П.С. Уварова (урожденная княжна Щербатова). По свидетельству исследователей, графиня П.С. Уварова рассматривала свое председательство как стремление служить памяти мужа, развивая начатые им инициативы по изучению и охране памятников старины [1, 24]. П.С. Уварова после его кончины в 1884 г. не только продолжила деятельность ИМАО в заложенных графом А.С. Уваровым направлениях, но и расширила диапазон деятельности общества. Благодаря ее усилиям при ИМАО были учреждены новые институты, среди которых нужно особо выделить Комиссию по изучению старой Москвы (далее – Комиссия ИСМ), за которой сразу же закрепилось емкое название – «Старая Москва».

Учреждение этой комиссии было связано с наметившейся угрозой утраты памятников московской старины ввиду интенсивного развития города в начале XX в., ведущейся застройки и реконструкции исторически сложившегося городского ландшафта. В протоколах заседаний

ИМАО можно увидеть, что П.С. Уварова неоднократно поднимала вопросы, связанные с охраной московских древностей.

Члены Комиссии ИСМ уже на первых заседаниях провозгласили своей целью «изучать Москву и ее ближайшие пригородные местности, т. е. собирать материалы по ее топографии, истории, изучать ее рост и развитие не только в отношении зодчества и иконописи, но также и прикладных искусств, заботиться о сохранении древностей, о собирании их с целью образования в будущем музея города Москвы» [19, лл. 2–4].

Основной фокус внимания в данной статье направлен на изучение того, как была реализована одна из поставленных членами-учредителями Комиссии ИСМ задач, а именно создание Музея старой Москвы. Этот вопрос неоднократно поднимался на ее заседаниях, о чем свидетельствуют делопроизводственные материалы, отложившиеся в архиве – Отделе рукописей РГБ. Их изучение позволяет реконструировать процесс создания музея, увидеть «закулисы» работы историков, архитекторов, искусствоведов – членов комиссии, и разобраться, какие попытки предпринимались для учреждения музея, как формировалась его коллекция, с какими трудностями пришлось столкнуться на пути создания музея.

Историография

История «Старой Москвы», ее вклад в изучение и охрану памятников нашли отражение в историографии, связанной, прежде всего, с проблемами сохранения культурного наследия России. Эти аспекты освещены в работах И.А. Гузеевой, В.Б. Муравьева, С.Б. Филимонова, Г.Д. Злочевского и др. [6, 10, 34]. В существующей историографии в фокусе внимания исследователей находятся результаты научной, экскурсионной, издательской деятельности Комиссии ИСМ, показан персональный вклад членов «Старой Москвы» в дело сохранения московских древностей. С позиции историка архитектуры рассмотрела деятельность Комиссии ИСМ Е.Б. Овсянникова в статье «Старая Москва и “Старая Москва”» [18]. Отметим также значимость для данного исследования работ И.А. Дмитриевой, которая обращалась к архивным материалам комиссии, что нашло отражение в ее трудах по истории москвоведения [7, 8, 9].

Изучением архивного документального комплекса «Старой Москвы» занимался историк В.Ф. Козлов, результатом его работы стали публикации статей, а также монографии «“Старая Москва” на защите московских древностей (1920–1930)» и путеводителя «Общество “Старая Москва” и культурное наследие. 1909–1930 гг.» [11, 12]. Путеводитель состоит из двух частей: исторического очерка о «Старой Москве» и росписи протоколов заседаний, которая содержит перечень докладов и выступлений, сделанных членами «Старой Москвы». Эти материалы содержат информацию о состоянии и судьбах многих памятников: крепостных сооружений, монастырей и храмов, гражданских зданий, исторических некрополей, городских и подмосковных усадеб, улиц, об известных москвичах, которые принимали деятельное участие в создании Музея старой Москвы.

Работ, посвященных непосредственно Музею старой Москвы, не много. Начало изучения его истории положили его современники. Так, в 1927 г. в журнале «Московский краевед» была опубликована небольшая по объему статья П.В. Сытина, в которой автор обозначил трудности, стоящие перед Музеем, и наметил пути их преодоления, подчеркнув при этом, что в Москве должен быть музей, «всецело посвященный городу» [32, с. 58–60].

В.А. Гиляровский, рассказывая об истории здания Английского клуба на Тверской улице, упоминает о заседаниях «Старой Москвы» и музее, который располагался в этом здании в начале 1920-х гг. [4, с. 52–54].

Непосредственно истории создания Музея посвящена небольшая статья К.В. Ивлева, который осветил деятельность комиссии «Старая Москва» по созданию музея.

Источники

Раскрыть историю создания музея от идеи до ее реализации позволяют архивные источники, отложившиеся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – ОР РГБ). Делопроизводственные материалы комиссии хранятся в фонде 177 ОР РГБ. Известно, что данный фонд поступил в ОР РГБ 25 августа 1937 г. при ликвидации Московского областного научно-исследовательского бюро краеведения.

Результаты и обсуждения

Анализ протоколов заседаний Комиссии ИСМ позволяет говорить о том, что впервые вопрос об учреждении Музея старой Москвы был затронут на одном из первых заседаний 4 января 1911 г. П.С. Уваровой. Она отметила, что «городу необходим городской музей». С мнением Председателя согласились и члены Комиссии, которые стали просить П.С. Уварову начать переговоры по поводу открытия музея с представителями города [19, лл. 15–16].

На заседании 22 января 1911 г. секретарь ИМАО В.К. Трутовский сообщил, что он обратился по поводу музея к городскому голове Николаю Ивановичу Гучкову [19, лл. 16–17].

Дальше в обсуждении этого вопроса произошел перерыв. Можно предположить, что идея не была поддержана властями города. Вернулись к обсуждению члены Комиссии ИСМ только спустя год, когда на заседании 14 января 1912 г. по предложению архитектора И.П. Машкова было решено поручить Секретарю Комиссии ИСМ И.С. Беляеву вновь обратиться к Московскому городскому голове Н.И. Гучкову о предоставлении части помещения для коллекции Музея старой Москвы в проектированном городском музее [19, лл. 26–27]. На заседании 13 марта 1912 г. И.С. Беляев сообщил, что он обращался к Н.И. Гучкову и говорил ему о возможности учреждения музея в Сухаревой башне и что он «очень сочувственно отнесся к идее устройства музея», но говорить об этом, по его мнению, «пока еще преждевременно» [19, лл. 29–32]. И.П. Машков добавил, что год назад был произведен осмотр Сухаревой башни архитекторами – членами «Старой Москвы», в результате которого было выявлено, что башня почти пуста, что она находится в очень неисправном состоянии, что она нуждается в ремонте полов, рам и т. д. и в устройстве центрального отопления [19, лл. 29–32].

Как следует из протоколов, далее к обсуждению присоединился Н.М. Клементьевский, член Комиссии ИСМ, статский советник, межевой инженер, выборщик Московской городской думы. Он отметил, что при возбуждении ходатайства перед городом следует точно обозначить необходимое для Музея старой Москвы количество комнат, мебели и иных приспособлений и выяснить точно, «чем должен быть хранитель музея» [19, лл. 29–32]. Далее в развернувшейся дискуссии интересное замечание выдвинул известный художник, меценат, князь С.А. Щербатов. По мнению последнего, из-за отдаленности Сухаревой башни от центра и ее расположения среди рынка вряд ли можно организовать здесь музей, поэтому «не стоит ли попытаться Комиссии возбудить ходатайство в отводе под Музей старой Москвы части Арсенала в Кремле» [19, лл. 29–32]. Но с этим предложением был не согласен другой член Комиссии, потомственный почетный гражданин Москвы, купец и меценат А.А. Бахрушин, который считал, что занятие части Арсенала под музей является невозможным, потому что ремонт старого здания потребует больших расходов [19, лл. 29–32]. После того, как были заслушаны все мнения, членами Комиссии ИСМ единогласно было решено возбудить в августе 1912 г. ходатайство перед Московской городской думой об устройстве Музея старой Москвы [19, лл. 29–32].

Возвратились к обсуждению этого вопроса спустя еще несколько месяцев. На заседании 19 апреля 1912 г. было решено ходатайствовать перед Московской городской думой об отводе Сухаревой башни под Музей старой Москвы, а проект составления этого ходатайства было решено поручить И.П. Машкову и И.С. Беляеву [19, лл. 34–36].

В конце 1912 г., на заседании 7 декабря 1912 г., В.К. Трутовский сообщил, что он был на заседании Забелинской комиссии и что вопрос об отводе Сухаревой башни под городской музей решен, причем между участниками «сочувственно принята мысль об объединении Забелинской комиссии с музеем Старой Москвы» [19, лл. 41–42]. На этом же заседании интересной

идеей поделился К.Н. Солодовников: он сообщил об открытии при Московской городской думе особой комиссии по снятию фотографических снимков «не настоящей, а уходящей от нас Москвы», поэтому он считает, что следовало бы сделать подобные снимки всему, что есть интересного в Москве [19, лл. 41–42]. После обсуждения данного вопроса членами Комиссии ИСМ было решено обратиться с ходатайством от Археологического общества к министру Императорского двора о разрешении сделать снимки с предметов, находящихся в Оружейной Палате и в Московском Кремле для выпуска издания, которое в дальнейшем будет использовано для создания музея Старой Москвы [19, лл. 41–42].

В следующем году, на заседании 16 февраля 1913 г., И.П. Машков сообщил членам Комиссии ИСМ о желании присоединить Музей старой Москвы к будущему Городскому музею с передачей городу собранных Археологическим обществом коллекций [19, лл. 44–46]. П.С. Уварова добавила, что Музей старой Москвы в период своего формирования «не может быть слишком большим», поэтому помещение Сухаревой башни было бы вполне достаточным для него [19, лл. 44–46].

Потом опять произошел перерыв в обсуждении вопроса об учреждении музея, и к нему вернулись в ноябре 1913 г., когда на заседании С.Н. Петухов выступил с предложением начать собирать Музей старой Москвы, чтобы члены Комиссии ИСМ «могли посылить помогать своими трудами и вкладами», на что Э.В. Готье заметил, что для музея нет помещения, а имеющееся помещение в доме Археологического общества на Берсеневке (здание ИМАО – Н.З.) уже полностью занято [19, лл. 54–55]. И.П. Машков, в свою очередь, сообщил собранию данные о ходе дела по ходатайству ИМАО о предоставлении городом Сухаревой башни под музей Старой Москвы: «Московская городская управа ранее, чем предоставить какое-либо помещение для музея, высказала пожелание видеть материал, имеющийся в распоряжении Комиссии, поэтому часть вещей была выставлена для обозрения в доме Археологического общества, но членами городской Управы было объявлено, что в выставленных предметах нет музейного материала, а только графический и архивный» [19, лл. 54–55]. Таким образом, данный отказ Управы является ярким примером того, что организация Музея старой Москвы была непростым делом, и Комиссии ИСМ пришлось столкнуться со многими трудностями на пути осуществления поставленной цели. Для ее достижения использовались самые разные способы, включая и личные связи руководителей Комиссии ИСМ.

В начале февраля 1914 г. П.С. Уварова сообщила, что она просила своего брата, товарища председателя Исторического музея Н.С. Щербатова, дать хотя бы временно помещение под Музей старой Москвы, чтобы к 50-летию юбилею ИМАО можно было бы «что-нибудь показать» [19, лл. 63–65]. Н.С. Щербатов нашел возможность предоставить помещение для музея, но «только с 1 ноября, когда оно будет свободным» [19, лл. 63–65]. На заседании 27 ноября 1914 г. Н.С. Щербатов доложил, что на основании переговоров он готов предложить освободившееся в Историческом музее помещение для музея, добавив при этом, что никакие расходы по обустройству выделенного помещения Управление Исторического музея на себя не берет, а все собрание Музея старой Москвы при занятии им помещений в Историческом музее остается собственностью ИМАО и Комиссии ИСМ [19, лл. 75–76].

На этом же заседании члены Комиссии ИСМ попросили архитектора и реставратора И.Е. Бондаренко подготовить материалы и сообщить о том, что нужно переделать в выделенном помещении для размещения в нем Музея старой Москвы [19, лл. 75–76]. На следующем заседании 12 декабря 1914 г. И.Е. Бондаренко показал членам Комиссии ИСМ составленные им план и разрез бывшего магазина купца Каптелина, расположенного в цокольном этаже Исторического музея, в котором в будущем будет располагаться Музей старой Москвы. И.П. Машков считал, что это помещение нужно занять именно сейчас, несмотря на то, что оно может быть и временным, а также выступал за то, чтобы там располагался непосредственно Музей старой Москвы, а не склад, потому что «место для склада есть и у самой Комиссии» [19, лл. 77–80]. В итоге было решено устроить в выделенном помещении Музей старой Москвы, а на расходы по его учреждению отпустить до 400 руб. [19, лл. 77–80]. Для его устройства в Историческом Музее была обра-

зована специальная комиссия в составе архитекторов И.Е. Бондаренко, И.П. Машкова и Н.Б. Бакланова [19, лл. 77–80]. На этом же заседании членам Комиссии ИСМ было предложено осмотреть данное помещение в Историческом музее в субботу 27 декабря 1914 г. в 11 часов утра [19, лл. 77–80]. К сожалению, пока не удалось найти информацию, как прошел осмотр.

Для лучшего понимания того, как должен учреждаться и обустроиваться музей, члены Комиссии ИСМ изучали устройство других музеев. Например, на заседании 13 февраля 1915 г. И.С. Беляев поделился своими впечатлениями после посещения Музея старого Петрограда, основанного Обществом архитекторов и художников. Музей располагался в конце первой линии Васильевского острова в старинном доме половины XVIII столетия и занимал две небольшие комнаты. И.С. Беляев отметил, что коллекция музея хранится не по какой-либо системе, а в зависимости от наличия места, поэтому отсутствует хронология при расположении предметов. Кроме того, он добавил, что все вещи, которые составляют собрание музея, являются жертвованными. И.С. Беляев рассказал, как ведется учет: в музее заведена инвентарная книга, где записаны время поступления вещи, ее номер по порядку, от кого она поступила, дается ее описание, хронология и особые заметки. Также он представил слушателям печатное «Положение о Музее старого Петрограда» [19, лл. 83–87]. Этот опыт был признан полезным. Комиссия ИСМ приняла решения о необходимости разработки аналогичного «Положения» для Музея старой Москвы и поручила И.П. Машкову, И.С. Беляеву, А.М. Васнецову, ученому-археологу Н.Н. Соболеву и меценату В.Д. Сорокоумовскому составить проект документа [19, лл. 83–87]. Отметим, что последние двое – представители известных в России купеческих фамилий, чей вклад в дело сохранения памятников древности Москвы нельзя недооценивать. На следующем заседании 6 марта 1915 г. В.Д. Сорокоумовский и Н.Н. Соболев предоставили составленный проект «Положения», а П.Н. Миллер, В.А. Никольский и С.А. Малинин выступили с предложением безвозмездно сделать списки с него для всех членов Комиссии [19, лл. 87–89].

Не только в «Старой Москве» работали над воплощением в жизнь идеи создания музея. На заседании 2 июня 1915 г. П.С. Уварова сообщила, что и Комиссия по сохранению древних памятников также решила ходатайствовать перед Московской городской думой о выделении помещений для Музея старой Москвы [19, лл. 90–91]. Однако ускорить процесс это не помогло и дело на какое-то время остановилось.

Революционные события 1917 г., начавшаяся Гражданская война прервали деятельность ИМАО. Графиня П.С. Уварова и многие из ее соратников покинули Россию. Тем не менее, после ликвидации ИМАО в 1923 г. Комиссия продолжила существование как «Группа лиц, интересующихся изучением Старой Москвы» при Историческом музее, позднее, в 1924 г., став «Ученой комиссией “Старая Москва” при Государственном Историческом музее»; последние 4 года комиссия существовала как секция при Обществе изучения Московской губернии [12, с. 5]. Смена названий и институциональной принадлежности не повлияла на первоначально выбранные цели членов «Старой Москвы».

Возобновление обсуждения вопроса о музее пришлось на 1918 г. На заседании Комиссии ИСМ 14 января 1918 г. новый председатель Э.В. Готье вернулся к проблеме приспособления помещения в Историческом музее под музей. Было принято решение начать работы в помещении бывшего «лабаза» купца Каптелина, а И.П. Машкову, Н.Б. Бакланову и И.Е. Бондаренко было поручено доложить о ходе этих работ [19, лл. 121–122]. На следующем заседании, которое состоялось 4/17 февраля 1918 г., обсуждались расходы на устройство музея, а для переговоров с Н.С. Щербатовым и дальнейшего движения дела было решено направить Н.Б. Бакланова, И.П. Машкова, В.Д. Сорокоумовского и И.С. Беляева [19, лл. 123–124]. Отметим, что в Протоколах любые объединения в рамках «Старой Москвы» для решения каких-бы то ни было вопросов именовались «Комиссиями». Т.е., для переговоров с Н.С. Щербатовым создавалась особая комиссия, для работ в помещении – также соответствующая комиссия и т.п. Руководство «Старой Москвы» институционализировало любые свои административные решения. В этом заключалась особенность функционирования «Старой Москвы». Объединенные в ту или иную комиссию люди принимали определенные обязательства и несли ответственность непосредственно перед «Старой Москвой».

Через несколько месяцев, на заседании 4 мая 1919 г., Н.С. Щербатов проинформировал членов Комиссии ИСМ, что Отдел по делам Москвы и охране памятников истории и старины Наркомпроса приступил к созданию Музея старой Москвы, основу экспозиции которого должны были составить коллекции музеев и учреждений, имеющих отношение к памятникам московской старины. Также он сообщил, что Наркомпрос обратился к Московскому археологическому обществу с просьбой передать имеющийся материал для будущего музея [20, лл. 2–3]. На этом заседании выяснилось, согласно Протоколам, зафиксировавшим выступления И.П. Машкова, Н.Н. Соболева и других членов Комиссии ИСМ, что в МАО «нет никакого имущества по Старой Москве, так как все собрание и отдельно вещи находятся на руках» [20, лл. 2–3].

Спустя время возник вопрос о возможном объединении Музея старой Москвы с другими организациями. Так, например, на заседании 23 октября 1919 г. после сообщения П.Н. Миллера «О Музее старой Москвы и объединении деятельности специальных комиссий по старой Москве» им было предложено объединить деятельность Комиссии ИСМ МАО с деятельностью комиссии «Старой Москвы» подотдела Центральных музеев Наркомпроса [20, лл. 18–19]. И.П. Машков выступил против данного объединения. Его мнение поддержал А.М. Васнецов, который предложил не нарушать автономной деятельности Комиссии ИСМ, продолжая ее научную деятельность автономно от государственных учреждений [20, лл. 18–19]. На заседании было отмечено, что объединение комиссий снизит их деятельность и негативно скажется на развитии деятельности Музея [20, лл. 18–19]. В связи с таким активным обсуждением данной темы А.М. Васнецов поставил на голосование 2 вопроса: 1) кто за соединение деятельности Комиссии Археологического общества и Комиссии старой Москвы Наркомпроса («за» высказывались 3 человека); 2) кто за содействие по созданию образовавшегося музея старой Москвы («за» высказывались 7 человек) [20, лл. 18–19]. Таким образом, можно заметить, что идея об объединении не встретила поддержки среди членов Комиссии ИСМ. Тем не менее, над созданием музея члены Комиссии ИСМ продолжали работать.

Судя по всему, использовать для музея выбранные ранее помещения без объединения с комиссией Наркомпроса было невозможно. Нам не удалось найти в документах, когда и кому пришла идея использовать здание Английского клуба на Тверской. Но в одной из своих работ В.А. Гиляровский отмечает, что здание Английского клуба было построено во второй половине XVIII в. М.М. Херасковым, что здесь собирались «просвещеннейшие люди России» [4, с. 18]. Возможно, именно в этом заключается причина выбора места для расположения музея. Не оставил без внимания В.А. Гиляровский и знаменитые обеды в Английском клубе [4, с. 41–42]. Именно в бывшем Английском клубе будут впоследствии проходить заседания «Старой Москвы».

Тем не менее, этот выбор не все члены Комиссии ИСМ восприняли однозначно. Согласно протоколу от 25 марта 1920 г., участники высказались, что здание Английского клуба не совсем подходит для музея Старой Москвы и что «следует найти дом и помещение, характеризующие более раннюю эпоху Московского зодчества и быта» [21, л. 7]. Однако, именно Английский клуб примет «детище» Комиссии ИСМ.

Уже на следующем заседании 22 апреля 1920 г. П.Н. Миллер доложил об открытии в ближайшем времени выставки, которая будет проходить 1 июня в помещении Музея старой Москвы в здании Английского клуба и будет заключать три отдела – Москва 100, 200 и 300 лет назад [21, лл. 7–8]. План этой выставки разрабатывался заранее: еще в марте 1920 г. А.И. Соболевский предложил при создании Музея старой Москвы «представить в нем Москву в виде отдельных панорам» [21, л. 7].

Согласно делопроизводственным документам, экспозицию музея предполагалось разместить в разных помещениях. Так, на заседании 12 мая 1921 г. П.Н. Миллер докладывал, что Н.И. Тютчеву, коллекционеру, основателю и директору музея-усадьбы Мураново, было поручено принять меры к открытию митрополичьих покоев для выделения особого музея быта XVIII в. [22, лл. 11–14]. Таким образом, можно заметить, что члены Комиссии ИСМ были заинтересованы в том, чтобы расширять экспозиции Музея старой Москвы.

Помимо вопроса об учреждении музея перед членами Комиссии ИСМ стоял вопрос о формировании его коллекции. Большую часть экспозиции музея составили вещи, которые были пожалованы членами Комиссии ИСМ, многие из которых были коллекционерами и меценатами. Начало традиции преподносить в дар какие-либо предметы было положено сразу же, как только возникла Комиссия ИСМ, когда уже на заседании 10 января 1910 г. княгиня В.П. Сидамон-Эристова, дочь известного коллекционера П.Н. Шабельского, предложила в распоряжении Комиссии ИСМ те фотографические снимки из ее коллекции древностей, которые были связаны с Москвой и ее окрестностями [19, лл. 4–5]. Идею В.П. Сидамон-Эристовой поддержал Э.В. Готье, который на заседании 24 февраля 1910 г. преподнес в дар Комиссии ИСМ панораму Москвы, изданную в 1814 г., а на заседании 5 декабря 1910 г. познакомил присутствовавших членов Комиссии с планом Москвы, гравюрами, изображениями, приобретенными им за последнее время, на заседании 5 апреля 1912 г. продемонстрировал из своей коллекции альбом видов Москвы 1850 г. и фотографии Рогожского кладбища 1870 г., на заседании 19 апреля 1912 г. показал 14 старых планов Москвы также из своей коллекции, а на заседании 10 мая 1912 г. – фотографии с могильных памятников московских кладбищ из коллекций П.С. Уваровой [19, лл. 9–11, 14–15, 33–38]. Некоторые из показанных материалов впоследствии были подарены Комиссии ИСМ. Например, на заседании 6 марта 1915 г. Э.В. Готье подарил планы Москвы: Мичурина 1739 г.; 1836 г.; 1859 г. и 1890 г., на заседании 16 октября 1915 г. – гравюру художника Андре Дюрана с видом Никольской башни, а на заседании 6 ноября 1915 г. – рисунки из издания А.А. Мартынова и Н.А. Найденова, которые имеют отношение к Старой Москве [19, лл. 87–89, 91–94].

Хотелось бы также отметить, что коллекцию Музея старой Москвы пополняли не только члены Комиссии, но и сочувствующие делу Комиссии люди. Например, на заседании 14 января 1912 г. П.С. Уварова сообщила, что бывший министр народного просвещения А.Н. Шварц прислал для Музея старой Москвы гравированный портрет своего прадеда, профессора Московского университета И.Г. Шварца, известного деятеля Просвещения [19, лл. 26–27], а на заседании 4 апреля 1913 г. член Археологического общества, помощник статссекретаря Государственного Совета А.А. Бодаево-Голомбиевский через члена-учредителя Комиссии В.К. Трутовского пожертвовал для Музея старой Москвы 8 фотографий с акварелей, изображающих Москву в 80-х гг. XVIII в., и альбом гравюр с видами Москвы [19, лл. 48–49].

В пополнении коллекции Музея старой Москвы принимала также участие и первый председатель Комиссии ИСМ Прасковья Сергеевна Уварова, которая на заседании 10 января 1914 г. подарила Музею старой Москвы найденную при прокладке водопроводных труб у стен Девичьего монастыря небольшую глиняную чашечку и глиняный плоский кувшин, найденный по Малому Девятинскому переулку [19, лл. 60–61].

В коллекцию музея собирали экспонаты разными путями. Например, на заседании 26 марта 1914 г. В.Н. Смердов представил рисунок старинного небольшого колокола, находящегося на Московской Гауптвахте. Ему удалось установить, что этот колокол был отлит в Амстердаме в 1707 г. На заседании Комиссии решили обратиться к исполняющему обязанности Московского коменданта с просьбой передать означенный колокол в Музей старой Москвы [19, лл. 70–71]. А на заседании 14 июля 1921 г. Б.С. Пушкин сообщил, что, проходя двором Чудова монастыря в Кремле, он заметил старого орла со Спасской башни, который Исторический музей хотел взять к себе, в результате чего было решено добиться передачи этого орла из Материального склада Управления Кремлем в Музей старой Москвы [22, лл. 23–24]. На заседании Б.С. Пушкин заявил, что орел со Спасской башни, лежащий до сих пор во дворе Чудова монастыря, «постепенно тает», поэтому следовало бы поспешить с заявлением о передаче его в Музей старой Москвы [22, лл. 44–45].

В коллекции Музея старой Москвы также были экспонаты, посвященные церковной тематике. Например, на заседании 16 июня 1921 г. И.Н. Жучков принес в дар Музею старой Москвы брошюру «Десятилетие Московской Воскресенской, что в Кадашах, церкви (1893–1903 гг.). М. 1904» [22, лл. 19–20]. На заседании 30 июня 1921 г. С.Ф. Германов передал в дар Музею

старой Москвы два отпечатка с фотографий иконостаса церкви Марии Египетской в Сретенском монастыре, а А.Г. Первухин принес в дар Музею старой Москвы фотографический снимок с храма Адриана и Наталии [22, лл. 21–22].

В начале 1920-х гг. продолжалось накопление экспонатов для музея. На заседании 12 мая 1921 г. историк церкви С.И. Смирнов доложил, что ему пришлось «видеть на днях несколько фотографий со старых присутственных мест», но он «затрудняется определить, нужны ли они и интересны ли они Комиссии» [22, лл. 11–14]. Поскольку каждая фотография с исчезнувшего уже памятника представляет несомненный интерес, члены Комиссии ИСМ пришли к выводу, что данные фотографии, безусловно, необходимы для Музея старой Москвы [22, лл. 11–14].

Как уже было отмечено, в начале 1920-х гг. музей стал местом проведения заседаний Комиссии. Впервые об этом речь зашла на заседании 29 декабря 1921 г., на котором было заявлено, что следующее заседание назначается на 12 января 1922 г. с докладом А. А. Ильинского «"Тимофей Егорович Мягков, московский художник 40-50-х годов" в 4 1/2 ч. дня в помещении Музея старой Москвы» [22, лл. 54–55]. П.Н. Миллер привел доказательства в пользу того, что проводить заседания в помещении музея является удобным: «местность центральная, помещение тёплое, хорошо освещено, материал для демонстраций и иллюстраций всегда под рукой» и т. п. [22, лл. 54–55]. Однако не все члены Комиссии с этим согласились. Так, В.М. Борин выразил опасение, что с переходом заседаний Комиссии в помещение Музея старой Москвы Комиссия «оторвется от Археологического общества» [22, лл. 54–55]. В ходе этих дискуссий выработывались новые принципы работы. П.Н. Миллер выступил за совместную деятельность Комиссии и музея, в ходе которой Комиссия собирает материал, а музей разрабатывает его научно [22, лл. 54–55]. Категорически против заседаний Комиссии в Музее старой Москвы из всех членов выступил только один Б.С. Пушкин, который в дальнейшем вместе с А.М. Васнецовым настаивал на проведении заседаний в Историческом музее [22, лл. 54–55]. В результате дискуссий было решено проводить заседания Комиссии в помещении Музея старой Москвы до наступления «тепла и света», а потом снова перенести их на Берсеневскую набережную, в здание Археологического общества [22, лл. 54–55]. Пожелание П.Н. Миллера было исполнено, и ближайшие заседания были проведены в здании Музея старой Москвы, расположенного по адресу Тверская улица, д. 59.

Изучение протоколов заседаний Комиссии ИСМ дает уникальную возможность реконструировать процесс создания Музея старой Москвы. Делопроизводственные материалы дают информацию и о процессе формирования коллекции музея, и о сложностях с ее размещением, поскольку реализация идеи создания музея пришлось на сложные революционные и постреволюционные годы. Несмотря на эмиграцию председателя ИМАО П.С. Уваровой, отъезд многих известных деятелей науки и культуры, входивших в ядро Комиссии ИСМ, Музей старой Москвы был учрежден, членам Комиссии удалось найти компромисс с новыми московскими чиновниками. Представляется, что во многом благодаря работе над созданием музея «Старая Москва» была единственной комиссией Московского археологического общества, которая продолжила полноценно работать после закрытия общества в 1923 г., сохранила его традиции, оставаясь носителем ценностей и идеалов научно-исторического сообщества дореволюционной России.

Библиография

1. Аксареева В.Г. «Мы, французы, не привыкли видеть русскую даму, занимающуюся науками, и в особенности археологией ...»: мемуары графини Прасковьи Сергеевны Уваровой в гендерном прочтении // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 32. История. Вып. 35. С. 157–163.
2. Богоявленский С.К. Памяти П.Н. Миллера // Краеведы Москвы: (Историки и знатоки Москвы) / Сост.: Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. М.: Книжный сад, 1995. Вып. 2. С. 113–116.
3. Васнецов А.М. Облик старой Москвы. СПб.: Знак, 2016. 111 с.

4. Гиляровский В.А. От Английского клуба к Музею революции. М.: Музей Революции СССР, 1926. 54 с.

5. Гузеева И.А. «Старая Москва» прежде и теперь: Из опыта работы ГПИБ // История, историография, библиотечное дело, книговедение: Тез. сообщ. конф. Москва, 17–19 марта 1992. М.: ГПИБ, 1992. С. 3–6.

6. Гузеева И.А., Муравьев В.Б. Хроника заседаний Комиссии «Старая Москва» // Археографический ежегодник за 1997 г. М.: Наука, 1997. С. 678–681.

7. Дмитриева И.А. Динамика численности и особенности состава общества «Старая Москва» в 1909–1917 гг. // Забелинские чтения (Кунцовские) 2004. Любимый город? Проектирование нового качества жизни, Москва, 2–22 марта 2004 г. М.: МИОО, 2005. С. 299–310.

8. Дмитриева И.А. Краеведческая деятельность московских священнослужителей (кон. XIX – нач. XX в.) // Вестник ПСТБИ: Филология. История. Педагогика. М.: ПСТБИ, 2003. Вып.1. С. 107–119.

9. Дмитриева И.А. Пушкинская комиссия «Старой Москвы» (1927–1930) // Московский архив: историко-краеведческий альманах. М. Мосгорархив, 2002. Вып. 3. С. 363–379.

10. Злочевский Г.Д. «Ставя своею первою задачею...» // Москва: события, люди, проблемы: Краеведческий сборник / Сост. И.А. Гузева, Н.М. Пашаева. М. ГПИБ, 1997. С. 5–22.

11. Козлов В.Ф. «Старая Москва» на защите московских древностей (1920–1930) // Московский архив: историко-краеведческий альманах. М. Мосгорархив, 2002. Вып. 3. С. 334–362.

12. Козлов В.Ф. Общество «Старая Москва» и культурное наследие. 1909–1930 гг.: Путеводитель по архивным материалам. М.: ИЦ «Краеведение», 2020. 340 с.

13. Комарова И.И. Московское археологическое общество и его роль в развитии местных краеведческих организаций России // Археографический ежегодник за 1989 г. М.: Наука, 1990. С 80–87.

14. Миллер П.Н. «Старая Москва» // Московский краевед. 1927. Вып. 1. С. 17–20.

15. Миллер П.Н. Комитет по охране могил выдающихся деятелей // Московский краевед. 1927. Вып. 2. С. 89–90.

16. Миллер П.Н. Пушкинская комиссия «Старой Москвы» // Московский краевед. Вып. 2. М.: б.и., 1927. С. 86–87.

17. Обзор фонда «Музей Старая Москва» / Сост.: Ф.А. Петров. М.: МГПО «Мосгорпечать», 1991. 198 с.

18. Овсянникова Е.Б. Старая Москва и «Старая Москва» // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 8. С. 24–27.

19. ОР РГБ. Ф.177. Оп. 1. Картон 1, Д. 3.

20. ОР РГБ. Ф.177. Оп. 1. Картон 1. Д. 5.

21. ОР РГБ. Ф.177. Оп. 1. Картон 1. Д. 7.

22. ОР РГБ. Ф.177. Оп. 1. Картон 1. Д. 8.

23. Пашаева Н. М. «Старая Москва» 1909–1997 // Московский журнал. 1997. № 8/9. С. 34–35.

24. Петрова О.С. Сохранение отечественных древностей как смысл жизни графини П.С. Уваровой (1840–1924) // Феномен творческой личности в культуре. Фатюшенковские чтения. Вып. 8: Материалы VIII Международной научной конференции / Отв. ред. Н.В. Карташева. М.: Наука, 2019. С. 256–263.

25. Полякова М.А., Фролов А.И. Ревнителю московских древностей: А.С. Уваров, П.С. Уварова // Краеведы Москвы: (Историки и знатоки Москвы) / Сост.: Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. М.: Книжный сад, 1995. Вып. 2. С. 48–64.

26. Рабинович М.Г. Неутомимый москвовец П.Н. Миллер // Краеведы Москвы: (Историки и знатоки Москвы) / Сост.: Л.В. Иванова, С.О. Шмидт. М.: Книжный сад, 1995. Вып. 2. С. 100–113.

27. Рюмина Т.Д. История краеведения Москвы в конце XIX–XX в. М.: МДС, 1998. 162 с.
28. Рюмина Т.Д. Архив москвоведа П.Н. Миллера в ОПИ ГИМ // Археографический ежегодник за 1997 г. М., 1997. М.: Наука, 1998. С. 334–346.
29. Старая Москва: Статьи по истории Москвы в XVII–XIX вв. Сб. 1. М.: Б.и., 1929. 182 с.
30. Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 г. М.: Наука, 1975. С. 38–55.
31. Сытин П.В. Об изучении г. Москвы // Московский краевед. 1927. Вып. 2. С. 55–58.
32. Сытин П. Н. Музей г. Москвы // Московский краевед. 1927. Вып. 2. С. 58–60.
33. Уваров С.А. Неутомимый москвоведа // Московский журнал. 2000. № 1. С. 45–50.
34. Филимонов С.Б. Историко-краеведческие материалы архива обществ по изучению Москвы и Московского края / предисл. и под ред. С. О. Шмидта. М., Б.и., 1989. 168 с.

35. Филимонов С. Б. Краеведческие организации Европейской России и документальные памятники (1917–1929 гг.) / под ред. С.О. Шмидта. М.: Поли, 1991. 208 с.

MUSEUM OF OLD MOSCOW (1918-1926): BIRTH OF AN IDEA AND ITS REALIZATION IN THE REFLECTION OF ARCHIVAL DOCUMENTS

Zasedateleva N.N.

Lomonosov Moscow State University

Abstract

The article is devoted to the history of creation of the Museum of Old Moscow. The analysis of the minutes of the meetings of the Commission for the Study of Old Moscow allows to understand how the museum was formed, starting from the idea of its creation to its realization in practice. The main source for obtaining the necessary information on this topic are the archival documents preserved in the Manuscripts Department of the Russian State Library. The novelty and relevance of this study is the introduction of the Commission's records into scientific circulation and the search for methods to increase their informative value. The article shows what difficulties the members of the Commission had to face in order to realize the plan of opening the museum, starting from the choice of the premises and ending with the formation of the collection and selection of the museum exhibits. Having overcome all the difficulties, the initiators of its creation achieved that the Museum of Old Moscow became more than just a place of storage, study and exhibition of exhibits. The Museum of Old Moscow became a place that united historians, local historians – connoisseurs of Moscow, scientists and amateurs, turning into a center for the study of domestic antiquities, thus continuing the initiatives of the Moscow Archaeological Society for the preservation of monuments of cultural heritage of our country.

Keywords

Museum of Old Moscow, Commission for the Study of Old Moscow, Praskovya Uvarova, Peter Miller, Apollinariy Vasnetsov, English Club, Moscow history, source study, Moscow Archaeological Society